

В. В. Пенской

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ В ПОХОД СОБРАЛСЯ: «ГОЛОДНЫЙ» ПОХОД МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО НА НОВГОРОД В 1316 ГОДУ И НОВГОРОДСКО-ТВЕРСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАЧАЛА XIV ВЕКА

Начало XIV века в истории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси было бурным и ознаменовалось рядом важнейших событий, оказавших немалое, если не судьбоносное, влияние на последующий ход русской истории. Долгая смута в Золотой Орде между могущественным темником Ногаем и ордынскими «царями» завершилась победой ставленника Ногая хана Тохты, который, тяготясь своей зависимостью от темника, выступил против своего покровителя и одолел его. Падение Ногая привело к реконфигурации политического пространства в Северо-Восточной Руси, князья которой дотоле разделились на сторонников и противников Ногая и в своих разборках стремились использовать свои связи в ставке темника и при «царском» дворе в Сарае. В этой борьбе активное участие приняли и будущие участники драмы, что разыграется в середине 1-го – конце 2-го десятилетия XIV века – князья московского и тверского домов и новгородские «мужи».

Эта троица впервые выступает на политической сцене в 1296 году, когда новгородцы изгнали из города наместников великого владимирского князя Андрея Александровича, а на их место прибыл из Москвы князь Иван Данилович (будущий Калита), сын князя Даниила Александровича. Последний, рассчитывая на поддержку Ногая, вместе с князьями Иваном Дмитриевичем Переяславским и Михаилом Ярославичем Тверским выступили против великого князя, державшего сторону Тохты. Андрей, получивший помощь от «царя» («Неврюева рать»), сумел вернуть себе Новгород, а князья-союзники, которым Ногай помощи не оказал, отступились от своего покровителя, получив взамен от ордынского повелителя ряд преференций¹.

В 1300 году, после смерти Ногая, Михаил Тверской перешел на сторону Андрея, коалиция распалась, и завершающую точку в ее истории поставил Даниил, захвативший в 1302 году, вопреки традиции, оказавшееся бесхозным после смерти бездетного Ивана Переяславское княжество. А. А. Горский, исходя из анализа родословий старомосковского боярства, предположил, что активная (и успешная) экспансионистская политика Даниила Московского объяснялась не в последнюю очередь тем, что сила московского князя изрядно приросла в последние полтора десятилетия XIII в. за счет бояр-выходцев из южнорусских княжеств. Содержание же их (и их дворов) требовало немалых средств, получить которые можно было быстрее

¹ См., например: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2005. С. 24–27.

и проще всего за счет приращения «домена» московского князя². Таким образом, стремление к экспансии для Даниила (и его детей) было естественным, если он хотел сохранить завоеванные с таким трудом политические позиции.

Можно предположить, что Даниил, действуя таким образом, рассчитывал расплатиться по розданным авансам после того, как он займет после смерти Андрея великий стол. Однако судьба распорядилась иначе. Даниил Московский скончался в марте 1303 года. Андрей пережил его больше чем на год – он умер летом следующего года. Старший сын Даниила Юрий оказался в сложном положении – его бывший союзник Михаил Тверской как старейший в роду Ярославичей становился великим владимирским князем, а Юрий не мог претендовать на великое княжение ни по старшинству, ни по «лествичному» праву. Однако у него не было выбора – в противном случае, смирившись с таким ударом рока, он быстро скатился до уровня второразрядного князя, сидевшего в захудалом княжестве. И Юрий вступил в казавшуюся безнадежной борьбу.

Впрочем, такой ли безнадежной она была? Составитель Никоновской летописи вложил в уста хана Тохтамыша следующие примечательные слова: «Аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь русский **на моем улусе** (выделено нами – В.П.), а на своём отечестве, живёт по старине, а мне служит правдою, и яз его жалую...»³. Представления о том, что Русская земля вручена свыше ордынским «царям» – мотив, распространенный в тогдашней русской книжности⁴, так что при определенной ловкости и князь Юрий мог рассчитывать заручиться благоволением ордынского властелина и получить то, что ему было нужно – ярлык на великое княжение. Однако Тохта решил не менять разом уже установившийся порядок («старину») и выдал ярлык Михаилу Тверскому.

Потерпев поражение в Орде, Юрий не смирился и продолжил борьбу. Исход противостояния в ханской ставке во многом определялся способностью взыскующих ярлык князей поднимать ставки в ханском «аукционе» – победа вполне могла оказаться не на той стороне, которая аргументировала свои притязания «старинной», а за той, которая была готова выложить за ярлык большую сумму⁵. Однако перебить ставки в этом аукционе можно было только в том случае, если ты контролируешь «банк всея Руси» – Новгород. В борьбе Юрия и Михаила господство над Новгородом обретало, таким образом, едва ли не решающее значение. И отнюдь не случайно тверские бояре попытались, пока их князь был в отъезде в Орде, посадить в Новгороде тверских наместников.

Однако «мужи» новгородские, будучи себе на уме, совсем не торопились признавать над собой сюзеренитет Михаила Ярославича. Вряд ли в Новгороде тамошние бояре рассчитывали на то, что тяжба между Михаилом Ярославичем и Юрием Даниловичем завершится победой последнего – шансы московского князя

² См.: Горский А. А. Москва и Орда... С. 40.

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XI. М., 2000. С. 84.

⁴ См., например: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). Т. II. Тексты. М., 1915. С. 51, 55–56.

⁵ См., например: Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 376–377.

одолеть своего «брата» были не то чтобы совсем уж призрачны, но минимальны – ведь все упиралось, в конечном итоге, в готовность хана пожертвовать традицией. Однако, в ситуации политической неопределенности, отчего бы не попробовать половить рыбку в мутной воде? Так что, получив известие, что из Твери в Новгород едут княжеские наместники «силою» (т.е., в сопровождении отряда воинов). Согласно позднейшей Никоновской летописи, тверские наместники в ходе своей поездки вели себя с «высокоумьем» и «безъстудством»⁶, попросту говоря, согласно тогдашним обычаям «силно имали» в придорожных деревнях и селах фураж и провиант и чиня всякие бесчинства, так что новгородские «мужи» «совокупиша всю землю противу» и выступили к Торжку встречать незваных гостей. Внушительная военная демонстрация впечатлила тверских бояр, которые не решились начинать войну без своего князя, и вступили в переговоры с новгородской «господой», договорившись после серии пересылок отложить решение спора до возвращения Михаила из Орды⁷.

В ходе этих переговоров новгородские «мужи» и тверские бояре согласовали предварительный проект договора между Новгородом и тверским князем. Новгородцы, что примечательно, хотя и признавали Михаила своим князем, однако титуловали его без эпитета «великий», и во 2-м проекте докончальной грамоты уделили особое внимание конкретизации тех положений, которые ограничивали права великого князя и его людей в Новгороде и Новгородской земле (и этот вопрос в будущем станет одним из ключевых в новых соглашениях между новгородцами и великими князьями)⁸. Отношение новгородцев к Михаилу было, судя по всему, далеким от теплого. Связано ли это было с действиями «промосковской» «партии» новгородской элиты, или же свою роль сыграла историческая память новгородцев, не забывших о том, как отец Михаила, конфликтовавший с новгородцами, подступал к городу со своей и татарской ратями⁹, сегодня трудно сказать. Однако так или иначе, но и по возвращению из Орды Михаил не сразу смог утвердить свою власть в Новгороде – ни в 1305, ни в 1306 годах. Между тем для него господство над Новгородом было не менее значимым, чем для Юрия. Похоже, его тяжба в Орде с Юрием за ярлык обошлась ему весьма недешево (любопытное свидетельство на этот счет, которое выглядит достаточно правдоподобным, принимая во внимание ордынские нравы, приводит в своей «Истории» В. Н. Татищев¹⁰), и розданные подарки и авансы изрядно опустошили его казну. В преддверии нового раунда борьбы с амбициозным московским князем она нуждалась в срочном пополнении. И отнюдь не выглядит беспочвенной версия о том, что второй поход Михаила со всей тверской силой на Москву, предпринятый летом 1307 года, был связан с борьбой Михаила и Юрия за Новгород¹¹.

⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 175.

⁷ Новгородская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 92.

⁸ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 15–19; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть 1-я. М.-Л., 1948. С. 271–279.

⁹ См., например: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 88–89.

¹⁰ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4-я. СПб., 1784. С. 86.

¹¹ См., например: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 137–138.

Итоги этого противостояния были подведены летом 1308 года, когда «седе князь великыы Михаило Ярославичь, внукъ великого Ярослава Всеволодича, в Новгороде на столе»¹². Юрий был вынужден отступить (как оказалось потом, на время), а новгородские «мужи» заключили с тверским князем договор, на этот раз поименовав его «великим»¹³. Л.В. Черепнин, анализируя тексты проектов докончальных грамот (новгородский и тверской) 1305 года и грамоты 1308 года, обратил внимание на тот факт, что новгородцы, стремясь урегулировать свои отношения с новым великими князем, обратили особое внимание на разрешение вопроса о земельных владениях князя и его людей в Новгородской земле, на которые они уже успели наложить свою руку или приобрести в период «междоцарствия»¹⁴. Очевидно, что то упорство, с которым новгородские «мужи» стремились всемерно ограничить право князя и его людей владеть землями на Новгородчине, отражало их опасения по поводу роста политического влияния Михаила в городе, обусловленного расширением землевладений великого князя (и его бояр, и служилых людей) на территориях, контролировавшихся Новгородом. И столь же несомненно, что эта ограничительная политика новгородской «господы» не могла не вызвать недовольства князя и его бояр со всеми вытекающими отсюда последствиями. Договор 1308 года, более выгодный для Новгорода, нежели для Михаила, рано или поздно должен был быть пересмотрен, и момент этот должен был наступить тогда, когда тверской князь почувствует себя на великокняжеском столе уверенно, избавившись от своего московского соперника.

Юрий, потерпев неудачу в борьбе за великий стол и утративший Переяславльское княжество, отнюдь не собирался сдаваться. Не вышло с Переяславльским княжеством, отчего бы не попробовать с Нижегородским княжеством, оказавшимся выморочным после смерти его князя Михаила Андреевича. По устоявшейся традиции оно должно было отойти к великому князю владимирскому, но и как несколькими годами ранее, московский князь (на этот раз Юрий) поспешил наложить на него свою руку, компенсировав тем самым потерю Переяславля. Михаил, находившийся в то время в Орде, не сумел помешать дерзкому предприятию своего московского «брата», а его бояре, попытавшиеся снарядить в поход тверскую рать во главе с малолетним сыном Михаила Дмитрием, столкнулись с сопротивлением митрополита всея Руси Петра, который отказался благословить князя. Дмитрий и его воеводы, простояв во Владимире три недели, не рискнули начинать поход вопреки воле митрополита и распустили войско¹⁵. У Петра были веские основания выступить против великого князя – на состоявшемся примерно в это же время церковном соборе в Переяславле, как раз именно в эти дни, решалась судьба митрополита, обвиненного в симонии тверским епископом

¹² Новгородская первая летопись старшего извода. С. 92.

¹³ См., например: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 19.

¹⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 280–281.

¹⁵ См.: Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 87.

Андреем, причем явно не без согласия на то Михаила¹⁶. И не связана была ли задержка с выступлением дмитриевой рати с тем, что княжич присутствовал на этом скандальном соборе?

Неизвестно, как бы развивались события дальше, но в августе 1312 года скончался благоволивший Михаилу Тверскому «царь» Тохта. Юрий, сумевший посадить на нижегородском столе своего брата Бориса¹⁷, не рискнул поехать в Орду, чтобы там возобновить прю с Михаилом Ярославичем за великое княжение. Вместо этого, воспользовавшись тем, что тверской князь надолго застрял в ханской ставке, московский князь решил попробовать установить свое господство над Новгородом. Эта попытка имела определенные шансы на успех, поскольку у новгородских «мужей» случилась серьезная размолвка с великими князем. В Новгороде летом 1311 года имели место какие-то беспорядки, вызванные серией сильных пожаров. Вполне вероятно, что перемены в составе новгородской посаднической коллегии, случившиеся в тот год, были связаны с этими беспорядками. И вряд ли последовавший в конце 1311 года отзыв тверских наместников из Новгорода и решительные меры Михаила по установлению торговой блокады Новгорода (великий князь, по словам новгородского летописца, «не пускай обилья в Новгород, а Торжокъ зая и Бежичи и всю волость») не находились в прямой взаимосвязи с этими событиями¹⁸. Михаил фактически объявил Новгороду войну, и, угрожая удушить Новгород костлявой рукой голода, вынудил новгородцев сдаться на его условиях. Весной 1312 года новгородский архиепископ Давыд, несмотря на распутицу, приехал в Тверь, привез с собою 1500 гривен серебра и Михаил милостиво согласился снять заставы с торговых путей и вернуть своих наместников в Новгород¹⁹.

Чем были вызваны столь решительные действия Михаила Ярославича и почему он пустил в ход предпоследний (последний – это война) довод низовских князей против новгородской гордыни и упрямства? С какой целью он вынудил новгородских «мужей» потрясти мощной? Напрашивается предположение, что до князя дошли слухи о том, что ордынскому «царю» нездоровится, и Михаил начал заблаговременно готовиться к очередному «аукциону». Так это было или не так, однако не вызывает сомнения другое – явно недружелюбные меры Михаила по отношению к новгородцам никак не могли добавить любви и приязни с их стороны к великому князю. Юрий Московский тем временем подмечал все ошибки своего тверского визави и готовил свой реванш.

Такая возможность представилась Юрию в 1314 году. Михаил к тому времени уже год находился в Орде, пытаясь решить вопрос о ярлыке на великое княжение. Узбек, новый ордынский «царь», вел борьбу с оппозицией, и, надо полагать, нуждаясь в средствах, требовал от Михаила все новых и новых «поминков». Михаил,

¹⁶ См., например: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. III. М., 1995. С. 24. См. также: *Тарабрин С. Ю.* Митрополит Пётр и Переяславский Собор // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 291–295.

¹⁷ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 210–211.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего извода... С. 93–94.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего извода... С. 94; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 371.

в свою очередь, запрашивал от своих бояр денег, а последние давили на великокняжеских наместников. Естественно, что «лихие тиуны» Михаила, выдавая всеми правдами и неправдами со своих подопечных запрашиваемые их господином средства, особо не стеснялись в средствах, не забывая при этом и свой интерес. Все это не могло не привести к росту недовольства и напряженности в городах и волостях, подвластных тверскому князю. Впереди, как всегда, были новгородцы. К несчастью, 1314 год в Новгороде снова выдался голодным, и злоупотребления михайловых наместников вызвали беспорядки. Спешно собравшиеся на вече «мужи» новгородские порешили изгнать тверских наместников, «понеже нелюбы имъ быша .., яко многа обида и нужа бысть им от нихъ», а чтобы получить защиту от тверичей, послать гонца к Юрию Данииловичу с просьбой прислать к ним князя²⁰.

Московский князь откликнулся, хотя и не сразу, на новгородское предложение. Действуя осторожно, он решил сам не ехать в Новгород, но тайно списался с князем Федором Святославичем Ржевским (можно предположить, не без участия митрополита Петра, свидетеля гибели в усобице отца князя Федора) и предложил тому отправиться в город на Волхове²¹. Князь Федор со своим немногочисленным двором прибыл в Новгород, арестовал великокняжеских наместников и отправил их под стражу на владычном дворе, а сам со своими людьми и вооружившимися новгородцами выступил к Твери, выжигая и разоряя по дороге тверские села и деревни²². Замещавший отца, пока он пребывал в Орде, старший сын Михаила Дмитрий выступил навстречу Федору и его рати. Оба войска, встав на разных берегах Волги «у брода», не рискнули переправляться на другой берег и, простояв так шесть недель до заморозков, «умиришися» на новгородских условиях (о сути которых летописцы умалчивают, но вряд ли они устроили бы Михаила Ярославича)²³.

Узел политических интриг вокруг Новгорода затянулся еще туже после того, как в Новгород по зимнику прибыл Юрий Московский с братом Афанасием. Однако пробыл он там недолго – хан Узбек вызвал его в Орду (по наущению Михаила?), и в марте 1315 года Юрий покинул Новгород и через Ростов и Москву отъехал в Орду (отметим, кстати, что выехавшие вслед за ним новгородские послы были перехвачены тверичами и посажены под стражу в Твери)²⁴. Вместо старшего брата в Новгороде остался Афанасий Даниилович, которому предстояло встретиться с разъяренным Михаилом.

«Пря велице» между Михаилом и Юрием в Орде решилась не в пользу московского князя. Узбек приказал задержать его, а тверского князя отпустил на Русь с ярлыком и в сопровождении внушительного татарского отряда во главе с «послами», «окаянным Тоитемиром» и Имархожей, которые должны были проследить за выполнением «царской» воли и возвести Михаила на великий стол.

²⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. X. С. 178.

²¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. X. С. 178.

²² См., например: *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 28–40, 34.

²³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. X. С. 178–179, Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 88; Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 271.

²⁴ Симеоновская летопись. С. 88. Новгородская первая летопись старшего извода. С. 94.

Продвигаясь по Русской земле, татары, по своему обыкновению, вели себя как в завоеванной стране, «много зла учини». Афанасий Даниилович со своим двором и с отборной новгородской ратью («без черных людей») выдвинулся к Торжку навстречу незванным «гостям». Михаил же тем временем, собрав «всю силу Низовскую», вместе с татарами вышел к Торжку.

10 февраля 1316 года под стенами Торжка состоялось сражение Афанасий и Федор не стали отсиживаться за валами и вывели свои полки в поле. «И съступившимся обема полкомъ, и бысть сеча зла, яко не мощи исповедати», – писал потом составитель Софийской первой летописи²⁵. Михаил и татары одержали верх в этой битве, разгромив противостоявшие им полки московского князя и его союзников. Составитель Рогожского летописца писал о том, что в битве полегло «новгородцевъ боле тысуци», новгородские же книжники более осторожны в оценках потерь, однако поименно называют имена «лутчих» новгородских «мужей», павших в битве (семь человек, в т.ч. три посадника)²⁶, что косвенно свидетельствует о серьезности урона, который понесли союзники.

Остатки союзной рати укрылись в кремле Торжка. Торжествующий Михаил прислал к осажденным своего посланца, который от имени своего господина потребовал от новгородцев и новоторжцев выдать ему Афанасия и Федора, обещая после этого заключить мир. Осажденные ответили на его требование отказом, заявив, что они готовы умереть за Святую Софию. Михаил тогда изменил свои требования, предложив выдать ему только Федора Ржевского, а за остальных выплатить ему огромный выкуп (относительно его размера в летописях нет точных указаний – так, в Никоновской летописи речь идет о 5000 гривен серебра, а в Софийской первой летописи – о «5 тьмах» гривен, т.е. о 50000 гривен – сумма совершенно невообразимая, так что стоит согласиться с мнением Л.В. Черепнинным, который предположил, что названная в Софийской летописи сумма носила фигуральный характер и призвана была показать необычно высокий размер выкупа²⁷). Осажденные согласились на такой вариант, и перемирие было заключено и закреплено взаимным крестоцелованием. Федор отправился в лагерь Михаила в качестве пленника, выкуп был заплачен, и теперь начались переговоры о заключении нового докончанья между Новгородом и Михаилом, благо новгородская элита (за исключением тех, кто пал в битве) была здесь едва ли не в полном составе.

Однако переговоры очень скоро зашли в тупик – Михаил выдвинул условия, на которые новгородские «мужи «пойти никак не могли («начать съ ними укреплятися чрезъ обычай ихъ изъстаринный», т.е. великий князь намеренно, пользуясь своим правом победителя, предпринял наступление на новгородскую «старину»). Н. С. Борисов даже выдвинул предположение, что жесткие требования были преднамеренно выдвинуты Михаилом для того, чтобы сорвать переговоры²⁸.

Их исход был трагическим – по приказу Михаила Афанасий и новгородские бояре, явившиеся под княжеские гарантии безопасности в его шатер на переговоры,

²⁵ Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 372.

²⁶ Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2017. С. 248.

²⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальный архивы... С. 288.

²⁸ Борисов Н. С. Михаил Тверской... М., 2017. С. 248.

схвачены и отправлены в Тверь в качестве заложников. Торжок был разорен тверичами, жителей города заставили платить за себя выкуп («колико кого станеть»), а кто не смог заплатить – вместе с пленными, взятыми в битве, были проданы в рабство (надо полагать, татарам); мастеров великий князь выслал в свой стольный град, а коней и оружие новгородцев и новоторжцев конфисковал в свою пользу. В Новгород же были посланы великокняжеские наместники²⁹, посадником был выбран сторонник Михаила.

Казалось, великий князь мог торжествовать свою победу – его враги были повержены, Новгород получил наглядный урок того, что противиться воле Михаила себе дороже, а у Юрия были связаны руки – его брат находился в тверском заточении в заложниках. Однако князь рано праздновал победу – новгородские «мужи» не смирились с поражением и были готовы продолжить борьбу. Михайловы наместники, едва прибыв в Новгород, были вынуждены поспешно выехать из города. Летописи никак не касаются обстоятельств, вынудивших их покинуть Новгород, но очевидно, что причиной тому были беспорядки, вспыхнувшие в городе, вызванные их приездом и осознанием новгородцами всей тяжести навязанного им Михаилом после поражения 10 февраля 1316 года договора (того самого, в котором фигурировал громадный выкуп за взятых в Торжке обманом новгородских «талей»). Видимо, эти беспорядки случились в марте 1316 года, самое позднее, в начале апреля, и самое позднее, в апреле же Михаил узнал о том, что Новгород вновь взбунтовался и отказался ему подчиняться. Новгородцам нужно было преподать еще один, на этот раз еще более внушительный урок, чем прежде, следовательно, и военная экспедиция против непокорных должна была иметь размах, по самой меньшей мере не уступающий предыдущим.

Однако немедля вступить в поход у Михаила не получилось. Сбор «всей силы Низовской» требовал немало времени, тем более что тоитемировы татары уже ушли в Орду, а собранные для предыдущего похода на Новгород полки после победы под Торжком были распущены. К тому же до начала весенней распутицы у Михаила времени осталось в обрез, если оно вообще было. У нас нет точных данных о погодных условиях 1316 года, однако составить примерное представление о тогдашнем климате можно, если взять за основу сведения о погоде в начале XIX века – стоит заметить, что XIII век считается началом т.н. «малого ледникового периода», который продлился по меньшей мере до середины XIX века³⁰. Сведения, собранные применительно к Новгородской губернии в эпоху Николая I, говорят, что зимники прекращали свою работу около 25 марта ст.ст., затем с середины апреля начиналась весна с разливом рек (вскрытие рек – последняя декада апреля), который продолжался фактически до конца мая. Погода в это время характеризовалась крайней неустойчивостью – высокая влажность, перепады температур, частные

²⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. X. С. 179. Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95. Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 373. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 36.

³⁰ См., например: *Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата. Л., 1979. С. 355–364.*

дожди со снегом³¹, одним словом, крайне неблагоприятная для перемещения больших масс войск, тем более конных. Серьезной проблемой была крайняя скудость Новгородчины на корма для скота – обычно к весне запасы сена иссякали и тех же лошадей приходилось кормить сечкой – не самый лучший корм даже для крестьянских лошадок, не говоря уже о боевых конях. Новая же трава (невысокого качества) вызревала лишь в третьей декаде июня, и сенокосы длились 2-3 недели³². Так что раньше середины июня (а лучше даже и позже) Михаилу Ярославичу и его ратям выступить на Новгород просто не имело смысла – не было ни дорог, ни фуража для столь многочисленной армии в нужном количестве. При этом не стоит забывать также и о том, что дорога на Торжок с обеих сторон. С новгородской и тверской, и местность вокруг него была уже изрядно опустошена и разорена в ходе боевых действий зимой 1315/16 годов.

Отметим также, что скорейшему отбытию князя в поход не могло не помешать трагическое событие, случившееся в Твери – 19 марта 1316 года «загореся градъ Тверь кремникъ»³³. Пожар был потушен, но «кремнику» явно требовался ремонт, и столь важное мероприятие никак не могло обойтись без участия князя. К тому же 28 марта неожиданно покинул кафедру и удалился в монастырь тверской епископ Андрей³⁴, противник митрополита Петра и его обвинитель на Переяславском соборе. Н. С. Борисов высказал предположение, что уход епископа в монастырь был вызван тем, что Андрей расценил пожар как знак – князь Михаил нарушил крестоцелование, захватив в заложники Афанасия Данииловича и новгородских бояр, и Господь наказал нечестивца и клятвопреступника³⁵. Предположение вполне логичное и смотрится весьма правдоподобным, и, естественно, уход епископа не мог не вызвать толков и смущения среди тверичей. В этих условиях князь, на которого тверской же книжник монах Акиндин в своем «Написании...» возлагал ответственность за происходящее внутри церкви, не мог покинуть город, не успокоив волнующихся горожан и убедившись, что и в епархии в отсутствие пастыря дела идут своим чередом³⁶.

Итак, весной – в начале лета 1316 года Михаил и его «штаб» активно готовились к предстоящему большому походу на Новгород, который, надо полагать, должен был поставить окончательную точку в затянувшейся распре между великими князем и новгородцами, за спиной которых маячила фигура московского князя. Стоит привести цитату из классического труда В. Л. Янина о новгородских посадниках: «Если к началу XIV века боярство добилось победы над князем, то на всем протяжении первой четверти XIV века победа не кажется завершенной. Новгород активно участвует в борьбе между Москвой и Тверью». Обратим внимание на тот факт, что

³¹ Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I. Тетр. 1-я. Новгородская губерния. СПб., 1844. С. 67, 68.

³² Там же. С. 92.

³³ Рогожский летописец. Стб. 36.

³⁴ Рогожский летописец. Стб. 36.

³⁵ Борисов Н. С. Михаил Тверской... С. 233-234.

³⁶ Написание Акиндина, мниха лавры Святыя Богородица, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древне-русского канонического права. Часть 1-я (Памятники XI–XV в.). СПб., 1880. Стб. 150-158. Стб. 157, 158

новгородцы поддерживают в этом конфликте Москву, и такой их выбор носил вполне осознанный характер, потому что Москва на тот момент была слабее Твери, и новгородские «мужи», играя на противоречиях между тверскими и московскими князьями, рассчитывали получить вполне ощутимые политические и иные преференции, закрепив тем самым свой новый статус в отношениях с великим князьями. Однако эта борьба была сопряжена с серьезными трудностями, ибо, как отмечал В. Л. Янин, «великие князья еще не свыклись с мыслью, что прежний Новгород потерян для них безвозвратно. Более того, они иногда добиваются, по-видимому, некоторого расширения великокняжеских прав в Новгороде»³⁷.

Здесь, пожалуй, стоит вспомнить те проекты договоров между великим князем и новгородцами, которые были подготовлены в 1305 году, договор 1308 года и несохранившийся (по причинам, которые будут указаны ниже) договор 1316 года – красной нитью через их тексты проходит борьба между князем и новгородской «господой», первый пытался «откатить» время назад, ко временам, когда великие князья обладали немалой властью в Новгороде, тогда как вторые, напротив, стремились закрепить те перемены, которые произошли к началу XIV века, и расширить свои свободы. И шанс переломить ход этого состязания в пользу великих князей у Михаила осенью 1316 года был велик, как никогда. После тяжелейшего разгрома в феврале 1316 года под Торжком новое поражение (которое можно сравнить с шелонской катастрофой 1471 года), понесенное новгородцами, сломало бы их волю к сопротивлению. Мир, продиктованный победителем по принципу *Vae victis*, заложил бы основы новой политической традиции, создав прецедент, который перечеркнул бы предыдущие и на который могли потом ссылаться великие князья (вне зависимости от того, представители какого княжеского дома занимал бы великий стол). И шансы Михаила были тем более велики, если принять во внимание отмеченный В. Л. Яниным кризис, раскалывающий в XIV веке боярскую элиту Новгорода. Выплеснувшаяся наружу во 2-й четверти XIV века после поражения великих князей, но подспудно тлевшая в 1-й четверти столетия, в случае военно-политической катастрофы борьба боярских кланов на фоне развивавшихся социальных антагонизмов, вполне могла привести к концу существованию Господина Великого Новгорода как политического субъекта на полтора с лишком столетия раньше, чем это случилось на самом деле, тем более что сами структуры новгородской государственности на рубеже XIII–XIV веков были пластичны, переживая определенную трансформацию (на что указывал, к примеру, В. Л. Янин³⁸).

При таких раскладах 2-й поход Михаила на Новгород в 1316 году приобретал поистине судьбоносный характер, и не только для Новгорода или Твери, но и для всей Русской земли. Однако, к сожалению, нельзя сказать, что и современники, и потомки уделили его истории должное внимание – он предстает перед нами не более чем еще один эпизод первого сезона «мыльной оперы» о противостоянии московских и тверских князей. Основные сведения о нем сегодня мы можем почерпнуть из трех групп летописей – собственно новгородских, тверских и московских. Несколько особняком стоят летописи региональные. К тому же летописи,

³⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2017. С. 259.

³⁸ Там же. С. 260.

из которых можно узнать о подробностях этого похода Михаила Ярославича, как правило, довольно поздние, и чем позднее, тем более живописными подробностями в описании перипетий этой неудачной экспедиции тверского князя они обрастают. Отделить факты от литературных штампов/фигур речи и откровенного вымысла здесь крайне сложно. Кроме того, восстановлению картины событий изрядно мешает и субъективность летописцев. Характеризуя особенности работы тверских и московских летописцев и составителей летописных сводов, И. У. Будовниц отмечал, что «в обоих княжествах велась интенсивная летописная работа, задача которой заключалась, между прочим, в оправдании действий своего князя и в обосновании его прав на великое княжение»³⁹, при этом темные стороны деятельности «своих» князей отодвигались на второй план или вообще замалчивались и наоборот. Больше того, в русской летописной традиции можно выделить по меньшей мере три версии случившегося в 1316 году.

Самая краткая изложена в Вологодско-Пермской летописи и связанной с ней летописью Никаноровской. Согласно этой версии событий, в 1316 году, после изгнания из Новгорода великокняжеских наместников, князь Михаил «поиде ... к Новугороду ратью со всею землею Низовскою», и этой демонстрации оказалось достаточно, чтобы «добиша ему челом Ноугородцы, и отъиде [Михаил]»⁴⁰.

Другую историю рассказывают тверские летописи – в их изображении великий князь, «поимъ воя многы», пошел к Новгороду, но «злыи вожди заведоша въ лиха места» так что князь был вынужден повернуть назад, и «многа пакость бысть полку его»⁴¹. Симеоновская летопись (и связанная с нею знаменитая Никоновская) дополняет и разукрашивает эту версию красочными подробностями. В ее изображении Михаил Ярославич, «събрав рать велику, воя многы», двинулся на Новгород «по неведомымъ местомъ и по незнаемымъ путемъ, и заблудиша въ злыхъ лесехъ и в болотехъ», так что, добравшись до Ловати, ратники Михаила изнемогли от голода и великий князь был вынужден повернуть назад «не успевшее ничтоже»⁴².

И, наконец, новгородская «повесть», в которой князь дошёл до Новгорода, постоял на его окраинах и, «не успевъ ничтоже», повернул назад, заплутал в лесах и болотах и понес большие потери в людех и конех по причине нехватки провианта и фуража⁴³.

Нетрудно заметить, что составители всех трех версий, оперируя набором одних и тех же фактов и персонажей, умудряются за счет разной компоновки их выстроить чуть ли не диаметрально противоположные трактовки случившегося. И ведь что самое интересное, никто из них особенно и не лжет – нет, поворачивая события лета-осени 1316 года, они поворачивают их к читателю то одной стороной, то другой, и говорят часть правды, но только ту, что им выгодна больше всего.

³⁹ Будовниц И. У. Отражение политической борьбы в тверском и московском летописании XIV века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XII. М.-Л., 1956. С. 79.

⁴⁰ См.: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 98.

⁴¹ См.: Рогожский летописец. Стб. 36.

⁴² См.: Симеоновская летопись. С. 88.

⁴³ См., например: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95.

Эта интрига не вызвала живейшего интереса у позднейших историков – «голодный» поход Михаила Ярославича не нашел полноценного освещения на страницах отечественных исторических сочинений, оказавшихся в тени противоборства Москвы и Твери. Нет, конечно, совсем забыт он не был – его истории так или иначе касались многие отечественные историки, от с В.Н. Татищева (который, кстати, сообщает любопытные детали, нигде более не встречающиеся, этого события⁴⁴) до патриарха русской исторической науки С. М. Соловьева⁴⁵. Отдельно отметил подробное, основанное на летописных свидетельствах, описание событий 1316 года, составленное В. С. Борзаковским (который придерживался новгородской версии случившегося)⁴⁶. Однако с завершением эпохи больших нарративов интерес к этому событию спал – события 1316 года рассматривались обычно через призму московско-тверского соперничества как одни из ее эпизодов⁴⁷, и даже не самый важный, которому стоило бы уделить особое внимание. Лишь в работах, так или иначе связанных с персоналиями или с историей отдельных княжеств, а конкретно Тверского княжества, поход осени 1316 года несколько выделяется, но не настолько, чтобы стать предметом специального рассмотрения⁴⁸. Впрочем, стоит отметить, что автор биографии Михаила Ярославича Н. С. Борисов, подводя итоги этой неудачной экспедиции тверского князя, отмечал, что провал этого похода «нанес первый тяжелый удар могуществу Твери. Неудача Михаила в этом походе во многом предопределила и его дальнейшие несчастья, и в конечном счёте гибель»⁴⁹. Тезис весьма примечательный, но, к сожалению, не получивший, насколько нам известно, развития. Одним словом, есть смысл вернуться к этой истории и рассмотреть ее прежде всего в военно-политическом отношении.

Итак, после того, как тверские наместники были вынуждены покинуть Новгород. Очевидно, что и предварительный договор, заключенный непосредственно после сражения под стенами Торжка 10 февраля 1316 года, перестал действовать. Новгород отказался платить выкуп (между тем Юрий Данилович все еще находился в Орде, и это обстоятельство не могло не беспокоить тверского князя). Власть великого князя в городе на Волхове была поставлена под сомнение, и Михаил должен был дать ответ, и ответ такой, чтобы новгородцы раз и навсегда уяснили себе, что спорить с ним выйдет себе дороже – нужен был урок, еще более наглядный и внушительный, чем тот, который был преподан новгородской «господе» в Торжке. Для этого, подчеркнем это еще раз, Михаилу нужно было собрать войско, которое, по меньшей мере, не уступало бы тому, что выступило к Торжку несколькими месяцами ранее, тем более, что можно было ожидать, что на этот раз новгородцы все как одни (или почти все) встанут по защите дома святой Софии, а не только новгородские бояре со своими послужильцами.

⁴⁴ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4-я. С. 96.

⁴⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. II. М., 1988. С. 212–213.

⁴⁶ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 101–103.

⁴⁷ См., например: Горский А. А. Москва и Орда... С. 48–49.

⁴⁸ См., например: Борисов Н. С. Михаил Тверской... С. 249–251; Клюг Э. Тверское княжество (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 104–105.

⁴⁹ Борисов Н. С. Михаил Тверской... С. 251. Ср.: Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1997. С. 89.

Что представляла из себя рать, которую собирал весной-летом 1316 года Михаил? К сожалению, характер и устройство русских «полков» 2-й пол. XIII–XIV веков до сих пор остаются «темной» страницей в истории русского военного дела. Касавшиеся этой проблемы работы, выходявшие ранее⁵⁰, серьезно устарели (прежде всего в методологической части) и во многом представляют сегодня лишь историографический интерес. Последнее по времени выхода из печати исследование по военному делу Московского княжества захватывает интересующий нас период лишь отчасти⁵¹. Попробуем вкратце рассмотреть эту проблему, учитывая новые данные и трактовки.

Касаясь вопроса о составе и численности войска, с которым Михаил Ярославич выступил во 2-й половине лета 1316 года на Новгород, то здесь можно осторожно предположить что, во-первых, эта рать была конной (поход предполагался дальний, и пехоту брать с собой не имело смысла – она только сковывала бы действия всадников), а во-вторых, она не могла быть тьмочисленной – во всяком случае, чисто боевой элемент. Любопытные сведения на этот счет сообщал младший современник Михаила Тверского Ибн Фадлаллах ал-Омари, секретарь египетского султана. Он писал, основываясь на расспросах купцов и дипломатов, бывавших в Золотой Орде, что хан Тохта, мобилизуя войско со своих владений для похода против Эсен-Буки, правителя Чагатайского улуса, повелел собрать по 1-му конному воину с каждого десятка военнообязанных в его «царстве» и «каждый всадник ... взял с собой двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу для перевозки оружия»⁵². Вряд ли условные «нормы» сбора ратных людей в княжестве Михаила Тверского существенно отличались от тех, что действовали в Золотой Орде, и соотношение конный воин – два слуги – пять коней – одна телега для перевозки снаряжения, провианта, фуража и лагерных принадлежностей в общем было характерно и для русских ратей того времени.

Примерную численность войска, собранного Михаилом, можно попробовать представить, исходя из отрывочных летописных сведений и «уложения» Тохты. Составители летописей сходятся на том, что великий князь выступил в поход «со всею Низовьскою землею»⁵³. Очевидно, что он призвал под свои знамена свою «молодшую братью», вассальных князей (В.А. Кучкин называет в своем исследовании за вычетом Нижегородского, 6–7 и еще два княжества вероятно⁵⁴), и «городовые» «полки» с территории Великого Владимирского княжества. Касаясь границ земель, подвластных великому князю в начале XIV века, Б.Н. Кучкин отмечал, что под властью великого князя, кроме его «отчинных» владений, находились «собственно Владимир с относившимися к нему волостями, значительная часть Поволжья – от Костромы

⁵⁰ См., например: Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII – XV веков. Ч. 1-я. М., 1969. С. 348-388; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. Л., 1976.

⁵¹ Селиверстов Д. А. Военное дело Московского великого княжества. Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020.

⁵² Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские источники. М., 2003. С. 108.

⁵³ См., например: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95.

⁵⁴ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 51.

почти до устья р. Унжи, – а также часть вологодских волостей»⁵⁵. Конфликт с Новгородом способствовал тому, что считавшиеся великокняжескими «половины» в Торжке и Волоке Ламском де-факто вывели их из подчинения Михаилу, и набрать там «полки» он не мог. Заменой им стали, видимо, набранные воины с Переяславльского княжества, которое во 2-й половине 1300-х годов перешло под власть великого князя⁵⁶. И, само собой, в походе участвовала и вся «тверская сила» – воинские контингенты, мобилизованные во владениях тверского княжеского дома, включая «дворы» самого великого князя и его бояр.

Исходя из тех отрывочных сведений, которые позволяют определить число военнообязанных на Руси на то время (в 60-х годах XIV века число «тем» на территории Великого княжества Владимирского составляло 15 – за вычетом 5 нижегородских «тем», но с прибавлением «тем» тверских Михаил мог рассчитывать на ресурсы порядка тех же 15 «тем»⁵⁷), можно сказать, что по верхней «планке» Михаил мог поднять до 15 тысяч конных воинов (с соответствующим числом слуг, запасных коней и обозных телег – по требованиям Тохты). Однако, принимая во внимание несовершенство тогдашних механизмов мобилизации и явную слабость великокняжеской власти, неспособной в должной мере, как это будет впоследствии, проконтролировать выполнение своих приказов, представляется, что и цифра в 10 тысяч всадников, собранных Михаилом для похода, будет чрезмерной. Тем не менее, вне зависимости от того, смог ли тверской князь и его воеводы посадить в седло 10 тысяч или несколько меньше конных воинов (7–8 тысяч?), для того времени это была более чем серьезная сила. Однако вместе с тем большое войско, сопровождаемое большим числом обозной челяди, представляло и серьезную проблему для Михаила – чем и как снабжать столь многочисленную рать? Некоторое время ратники могли продержаться на тех запасах, которые они взяли с собой, но если поход затягивался, то войску приходилось переходить на подножный корм, и вот тут начинались серьезные проблемы. Время, которое было отведено самой природой Михаилу на достижение им своих целей, было ограниченным. С середины сентября, с окончанием «бабьего лета», погода резко ухудшалась, обычными становились заморозки, температура падала, в начале октября начинались снегопады, во 2-й половине месяца реки и озера постепенно покрывались льдом, и к середине ноября устанавливается зимний путь⁵⁸, так что волей-неволей, но кампанию приходилось сворачивать с началом осени, чтобы успеть вернуться на зимние квартиры до наступления распутицы.

Исходя из этого, можно попробовать определить примерное время выступления Михаила и его воинства в поход. Летний поход на Новгород сам по себе представлял собой серьезную проблему, в том числе и логистическую. Не случайно Иван III, готовясь в начале лета 1471 года идти на новгородцев, задавался вопросом –

⁵⁵ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 131.

⁵⁶ Там же. С. 138–139.

⁵⁷ См.: Рогожский летописец. Стб. 68; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 119.

⁵⁸ Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I. Тетр. 1-я. Новгородская губерния. СПб., 1844. С. 68.

«поити ли ныне на них или не поити, поне же летнее уже время, а земля их многи воды иматъ около себя и езера великие и реки и болота многи и зело непроходимы»⁵⁹. Следовательно, принимая во внимание эти обстоятельства, Михаил и его воеводы и должны были принимать решение о времени выступления. И. И. Пушкарев в своем описании Новгородской губернии отмечал, что наиболее жаркое время года здесь с 10 июня по 20 июля, когда порой дневные температуры могут подниматься до 38⁰ (хотя при этом нередки сильные грозы и ливни, а при перемене ветра на северный ночью температура могла местами падать до околонулевых)⁶⁰. Заметим, что в народном календаре Петров день (29 июня) связывается по традиции не только с окончанием Петровского поста, но и с началом сенокоса. В общем, по аналогии с летним 1471 года походом Ивана III на Новгород можно предположить, что выступление Михаила Ярославича и его рати пришлось на вторую половину июня 1316 года (в 1471 г. Иван III с главными силами своего войска убыл из Москвы 20 июня, на день свмч. Мефодия Патарского, а 29 июня он был уже в Торжке⁶¹).

Новгородские «мужи», готовясь к продолжению противостояния, хорошо понимали, что их ресурсы, даже в случае тотальной мобилизации, уступают войску Михаила если не численно, то в профессионализме точно – лучшие новгородские воины или полегли в сражении под Торжком, или мыкались теперь в заложниках или в рабстве. Поэтому, призывая встать на защиту дома святой Софии всех и вся («сойдеса вся волость новгородская: пльсковичи, ладожане, рушане, Корела, Ижера. Вожане», всего, по очень оптимистичным прикидкам, 4–4,5 тысяч ратных), новгородские бояре избрали оборонительную тактику, «учиниша острог около города на обе стороны»⁶², и изготовились сидеть в осаде. Урок, преподанный новгородцам под Торжком, был усвоен. На этот раз новгородцы не собирались пытаться счастье в поле, в «прямом» деле, а намеревались отсиживаться за укреплениями, подобно тому, как сделали их предки в 1170 году, дожидаясь, пока Михаил или решится на штурм, сопряженный с большими потерями (если не сказать больше того – и снова вспомним 1170 год, когда пленных суздальцев в Новгороде продавали по 2 ногаты за голову⁶³), или будет вынужден отступить восвояси, исчерпав возможности снабжения фуражом и провиантом. Сидеть им предстояло, как уже было показано выше, недолго.

Известия о том, что Михаил во главе огромной рати выступил на Новгород, привели к новой волне беспорядков в городе. По сообщению летописцев, «новгородьци ...яша Игната Беска и съзвониша вече на Ярославле, и свергоша его с мосту въ Волховъ, творяхе бо его перевееть державша къ веилкому князю Михаилу тферьскому» (правда, с оговоркой «то богъ вестъ», т.е. держал ли Игнат перевет или же нет – доподлинно неизвестно). Под раздачу попал и некий Данилко Писцев,

⁵⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 286.

⁶⁰ Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I. Тетр. 1-я. Новгородская губерния. С. 68.

⁶¹ Московский летописный свод конца XV века. С. 287, 288.

⁶² См., например: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95.

⁶³ См.: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 33.

которого его собственный холоп «обадил», заявив на вече, что де его господин посылал в Тверь с грамотами к Михаилу. Наэлектризованное и взвинченное последними новостями вече не стало разбираться в справедливости обвинений и растерзало Данилку⁶⁴.

Пока в Новгороде на вече кипели страсти, Михаил со своим воинством продолжал свое движение к городу на Волхове. Собственно говоря, вот именно сейчас и встает в полный рост главный вопрос – какую из версий, новгородскую или тверскую, истории этого похода стоит рассматривать как наиболее правдоподобную и какую из них взять за основу? Связан ли провал похода Михаила на Новгород с некоей изменой со стороны «злых вожей» или же это результат совпадения объективных и субъективных обстоятельств? Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня, располагая скудными летописными сведениями, однако если попробовать привлечь к этому те данные, что могут дать нам естественные науки?

В науке достаточно давно устоялось мнение, что, начиная с XIII века, в Европе повсеместно наблюдается очередное похолодание, пришедшее на смену раннесредневековому малому климатическому оптимум. Этот т.н. «малый ледниковый период», продлившийся до 2-й половины XIX века, характеризовался не только существенным похолоданием климата, но и возросшей его неустойчивостью. Засухи перемежались наводнениями, теплые бесснежные зимы – суровыми морозными и, как результат, неурожаи и голодовки, перераставшие в голод, мор и эпизоотии⁶⁵. О погодных условиях в эти годы свидетельствуют и сведения, сообщаемые дендрохронологией⁶⁶. Особенно тяжелым выдался 1314 год – согласно псковским летописям, в тот год «изби мраз вся жита, и бысть драгость люта, по пяти гривень зобница; и тогда бяше притужно вельми людемъ; бяше же та драгость много время»⁶⁷. В этой цитате стоит обратить внимание на слова летописца о том, что дороговизна и сопряженный с ней недостаток хлеба и голод длились несколько лет кряду. Эти сведения подтверждает, к примеру, и ливонский хронист Б. Рюссов, который сообщал своим читателям, что в «в 1315 году была в Ливонии и во всех окрестных землях такая неслыханная, ужасная дороговизна на хлеб и другие необходимые продукты, что многие сотни людей умерли с голоду». Эта голодовка, длившаяся три года, стала, по словам ливонца, следствием того, что «хлеб, как рожь, так и ячмень, всякий год вымерзали на поле»⁶⁸.

Эта явная нехватка провианта и фуража должна была неизбежно усугубиться тем, что местность до Торжка и вокруг него была изрядно опустошена в ходе предыдущих кампаний, да и по дорогам от Торжка к Новгороду возможностей прокормить большие рати было немного после прохождения новгородских полков туда и обратно. И, наконец, не стоит забывать и про характерные для лета на

⁶⁴ См., например: Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 374.

⁶⁵ См., например: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. X. С. 176, 177; Новгородская первая летопись старшего извода. С. 91

⁶⁶ См., например: Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 80, 84 и слл.

⁶⁷ Псковская 1-я летопись. Тихановский список // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М.: М., 2003. С. 14.

⁶⁸ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 229.

Новгородчине сильные грозы и ливни. Так что складывается впечатление, что не важно, по какому пути двинулся Михаил на Новгород – его все равно, так или иначе, ожидали серьезные проблемы. Однако они, судя по всему, не особенно волновали ни великого князя, ни его бояр – Новгород заплатит за все, и поход был начат (собственно говоря, у Михаила и выбора особенного не было – он должен был показать новгородцам, кто здесь власть).

Однако, вне зависимости от погоды, по какой же дороге Михаил и его полки двинулись на Новгород, выступив после краткого отдыха из Торжка? Разбирая вопрос о том, каким путем двигались монголо-татары на Новгород зимой 1238 года, В. Л. Янин указывал на четыре основных маршрута, которые вели из Торжка в Новгород. Это не только хорошо известный «Селигерский путь», но также «Яжелбицкая дорога», дорога «Демонская» и через Молволицы и далее по все той же Демонской дороге⁶⁹. Вместе с тем стоит заметить, что, как правило, историки рассматривают либо водные пути, либо «зимник» по все тем же рекам и иным водоемам. Но из того, что нам известно о походах «низовских» князей (да и не только их) на Новгород (и в обратном направлении), в особенности тех, что предпринимались в летнее время, никак не следует, что эти военные экспедиции осуществлялись как «плавные» или на худой конец, как смешанные, судовая рать и конная (первая шла по рекам и озерам, вторая – рядом, берегом). Отсюда возникает вопрос – а нет ли иного, сухопутного пути из Твери в Новгород?

В современной отечественной историографии этот вопрос одним из первых поставил М. В. Васильев⁷⁰. Анализируя перипетии летней 1471 года кампании Ивана III против Новгорода, он пришел к выводу, что полки великого князя двигались на Новгород по трем маршрутам – южному, по Демонской дороге, обтекая Демон (Демянск) через Старую Русу; северному, вдоль левого берега Мсты, по Дубецкой дороге⁷¹; и центральному, через Яжелбицы⁷². К сожалению, отмечал далее историк, когда речь заходит о событиях 1316 года, летопись не дает точных сведений относительно того, по какому именно маршруту двигался Михаил. Есть лишь указание, что он «не дошедъ города, ста въ Устьянехъ»⁷³. Если речь идет об Устьянском погосте, расположенного в полусотне верст юго-восточнее Новгорода, недалеко от впадения реки Полы в Ловать⁷⁴, то тогда выходит, что Михаил шел на Новгород по южному пути, который, как отмечал М. В. Васильев, считался лучшим из

⁶⁹ См.: Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 122–124.

⁷⁰ См.: Васильев М. В. Маршруты походов великих князей на Новгород 12–15 веков (к вопросу о путях сообщения между Великим Новгородом и Низовскими Землями в эпоху Средневековья) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 23–25 января 2001 г. Вып. 15. Новгород, 2001. С. 271–282.

⁷¹ О ней см., например: Фролов А. А. Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородской землей и Северо-Восточной Русью) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11–13 ноября 1998 г. Новгород, 1998. С. 80–82.

⁷² Васильев М. В. Маршруты походов великих князей на Новгород... С. 271–272.

⁷³ См., например: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95., Симеоновская летопись. С. 88.

⁷⁴ См., например: Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке // Записки Императорского Русского Географического общества. Кн. VIII. СПб., 1853. С. 175–176.

тех, которыми пользовались летом⁷⁵. Однако, по его мнению, эти Устьяны находились слишком далеко от Новгорода (50 верст) и сама по себе дорога была проторенной и маловероятно было здесь заплутать и понести большие потери из-за отсутствия провианта и фуража⁷⁶. Отметим, что древнейшие новгородские летописи не дают точной привязки упомянутых в них «Устьян», а указание на Ловать содержится, к примеру, в позднейшей Симеоновской летописи (составитель Никоновской летописи, не имея представления о том, где произошли события, и вовсе писал о некоей «Волоти», где заплутал князь Михаил⁷⁷).

М.В. Васильев предложил рассмотреть другой вариант – по его мнению, упомянутые в той же Новгородской первой летописи старшего извода «Устьяны» есть ничто иное, как деревня в Бронницком погосте на Мсте, восточнее Новгорода, на ближних к нему подступах⁷⁸. Действительно, рядом с Бронницами, возле Бронницкого перевоза через Мсту, согласно переписной книге Деревской пятины 1495 года, была деревушка Несеян в 10 дворов⁷⁹, позднее известная как село Эстьяны (ныне в составе села Бронницы). Расположенная на Яжелбицкой дороге (от Бронниц через Тухольский погост к Крестцам и оттуда на Яжелбицы, Едрово, Коломну, Вышний Волочек и дальше на Торжок), эта деревушка действительно представляет большой интерес, нежели Устьянский погост уже хотя бы потому, что она находилась рядом с Новгородом, на одной из сухопутных дорог, связывавших город на Волхове с «Низом» и рядом с перевозом на правый, новгородский, берег Мсты. Такой вариант маршрута, по которому рати Михаила Ярославича шли на Новгород представляется более вероятным, нежели южный. Кроме того, заметим, что тверская версия с ее «злыми вожами» выглядит сомнительно уже потому, что при всех прочих составляющих любой маршрут в Новгород из Торжка вовсе не был путем в земли неизвестные и толковых проводников найти не должно было составить серьезной проблемы.

О скорости передвижения великого князя с его воинством можно судить, если взять в качестве примера опыт экспедиций Ивана III на Новгород в 1471 и 1478 годах. В первом случае Иван с ратью 29 июня покинул Торжок, а известие о победе московской рати над новгородской на Шелони достигло его в Яжелбицах 18 июля, т.е. на преодоление примерно половины расстояния до Новгорода у него заняло не менее двух недель. Поздней осенью 1477 года Иван III покинул Торжок 23 октября, а 21 ноября он был уже в Тухольском погосте, т.е. путь от Торжка до Новгорода у него занял бы около месяца⁸⁰. Конечно, если посмотреть, к примеру, итинерарии того же С. Герберштейна или Я. Ульфельдта, двигавшихся по той же дороге ранней весной и летом, то скорость, с которой Иван двигался к Новгороду, совсем не впечатляет (у Ульфельдта путь от Новгорода до Торжка занял 10 дней, с 4 по 13 августа⁸¹). Однако

⁷⁵ Васильев М. В. Маршруты походов великих князей на Новгород... С. 275–276.

⁷⁶ Там же. С. 278–279.

⁷⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. X. С. 180.

⁷⁸ Васильев М. В. Маршруты походов великих князей на Новгород... С. 278–279.

⁷⁹ См.: Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою Коммисиею. Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая половина. СПб., 1862. Стб. 446.

⁸⁰ См.: Московский летописный свод. С. 288–289, 311–313.

⁸¹ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 309–313.

одно дело, когда этот путь (53 мили по счету Ульфельдта, правда, не совсем понятно, о каких милях идет речь) проделывает посольство с небольшим обозом на перекладных, и совсем другое, когда по этому маршруту движется большое конное войско значительным обозом (на одного всадника – 1 воз, т.е. несколько тысяч телег с имуществом, провиантом и фуражом), причем по дороге, явно не приспособленной к передвижению больших масс войск. Так что удивляться тому, что «сила Низовская» двигалась на Новгород черепашьим шагом, преодолевая в день по 2-3 мили (по счету того же Ульфельдта), не стоит. И, в таком случае, покинув Тверь в конце июня, Михаил мог подступить к городу в конце июля 1316 года.

О том, что происходило дальше, летописи до обидного немногословны. Так, Новгородская первая летопись старшего извода сообщает, что де «князь же Михаило, не дошедь города, ста въ Устьянехъ; и тако мира не возма, поиде прочее, не успевь ничтоже». Практически слово в слово повторяет эту весть Софийская первая летопись старшего извода, кратко и лаконично пересказывает эту версию составитель Ермолинской летописи («князь Михаило, пришедь, ста въ Устьянехъ и оттоле възвратися, не успевь ничтоже»)⁸².

Из этого следует, что новгородцы, избрав после торжокского урока оборонительную стратегию, не собирались от нее отказываться и отсиживались за поспешно возведенными фортификациями. Если Михаил рассчитывал на то, что его внушительная военная демонстрация произведет нужное впечатление и стоит только его полкам объявиться под Новгородом, как мужи новгородские немедля вышлют ему навстречу своих послов во главе с владыкой и с богатыми дарами договариваться, то он просчитался. Новгородцы сдаваться не собирались и в переговоры не вступали. Взять же их измором было невозможно – готовясь к «сидению», новгородцы по тогдашнему обычаю не только свезли заранее припасы со всей округи, но и постарались по максимуму разорить ее перед тем, как низовская рать должна была подойти к стенам города. Столкнувшись с перспективой долгой осады и невозможностью организовать нормальное снабжение своего многочисленного воинства и его коней (небольшая, 300–350 кг лошадь, на то время наиболее распространенная на Руси, при легкой работе в день потребляла 30–35 кг травы, а ратнику требовалось в день порядка 1–1,5 кг провианта и нетрудно представить, сколько нужно было ежедневно собирать фуража и продовольствия на рать в 7 тысяч комбатантов, 14 тысяч их слуг и 30 тыс. лошадей⁸³).

Выбор у великого князя был небогат. Если его враг явно не собирался сдаваться в ближайшее время, значит, нужно было или рискнуть и пойти на штурм Новгорода, заранее смирившись с большими потерями, или же отступить, переведя разрешение конфликта в дипломатическую плоскость, попробовав ослабить решимость новгородцев иными способами – а хотя бы и через возобновление продовольственной блокады, которая уже показала свою эффективность прежде, а сейчас, в неурожай, и подавно. В пользу второго варианта действия, хотя и

⁸² См.: Новгородская первая. С. 95, Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 373, Ермолинская летопись / ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 98.

⁸³ О проблемах русской военной логистики XV – XVI вв. см., например: Пенской В. В. Логистика в войнах Русского государства 2-й половины XV–XVI вв. // Новое прошлое /The New Past. 2016. № 3 ("Война и мир"). С. 68–84.

сопряженного с определенными репутационными потерями, говорил и прежний опыт попыток штурма Новгорода – выше уже упоминался неудачный поход низовской рати на город на Волхове в 1170 году, предпринятый по приказу прадеда Михаила Андрея Боголюбского.

И такое сложное решение было принято – войско великого князя начало отступление от Новгорода. Возможно, отход был ускорен под воздействием новостей из Москвы – если верить Татищеву, московский князь (и это был не Юрий, который в это время находился в Орде, а, по резонному предположению Н. С. Борисова, его брат Иван⁸⁴) готовился выступить со своим войском на Тверь, оказав тем самым помощь Новгороду. Отметим также, что в новгородской версии истории о походе Михаила есть загадочная фраза – великий князь повернул домой, не только не успев ничтоже, но еще и «болшую рану въсприимъ»⁸⁵. Что это означает – получил ли Михаил ранение в одной из стычек под стенами Новгорода или же заболел во время «стояния» (по мнению С. И. Бараша, лето 1316 года выдалось на редкость дождливое⁸⁶), – остается загадкой.

Так или иначе, но после непродолжительного (отход надо было начинать до начала осенних дождей, т.е. в первой половине сентября, так что войско Михаила стояло под Новгородом самое большее полтора месяца) «стояния на Волхове» низовские полки начали отступление домой, которое оказалось сопряженным с определенными проблемами. Новгородский книжник писал, что низовцы «възвративше бо ся въспять, заблудиша в озерех и в болотех; и начаша мереть гладом, ядяху жэе и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша: и приидоша пеши в дома своя, приимше рану немалу...»⁸⁷. Составитель позднейшей Софийской первой летописи не преминул вставить в «повесть» нравоучение, сравнив незадачливых низовцев и их воевод с жителями Иерусалима, которых в давнее время «предасть я Богъ в руце Титу, царю римскому»⁸⁸. Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, вряд ли воеводы Михаила могли заблудиться на пути домой, но вот осенние дожди, которые могли начаться раньше, чем обычно, вполне могли создать серьезные проблемы для отходящих воинов великого князя. Но еще более вероятна другая причина трудностей, с которыми столкнулись низовцы – та, которую можно было бы назвать «синдромом Старой Смоленской дороги». Возвращаться им пришлось по старому маршруту, и без того изрядно разоренному и опустошенному прежними прохождениями ратей до Новгорода и обратно. Естественно, что это очень скоро привело к проблемам со снабжением со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Однако не стоит преувеличивать последствия этого печального отступления и неудачи новгородской экспедиции князя Михаила в целом. В Новгороде после отступления рати великого князя выдохнули с облегчением, но вместе с тем понимали, что конфликт отнюдь не завершен их полной и безоговорочной победой –

⁸⁴ Борисов Н. С. Иван Калита... С. 89.

⁸⁵ Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95.

⁸⁶ См.: Бараш С. И. История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л., 1989. С. 100.

⁸⁷ Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95.

⁸⁸ Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 374.

скорее ситуация застыла в положении неустойчивого равновесия. Больше того, позиции Михаила выглядели предпочтительнее – в его распоряжении был такой замечательный козырь, как новгородские «тали», а равноценным «обменным фондом», который позволил бы новгородцам выручить своих собратьев из заточения, Новгород по итогам летне-осенней кампании не обладал. Другим не менее, если не более, действенным козырем в руках тверского князя была и продолжавшаяся (вне всякого сомнения) торговая блокада Новгорода – «обилье» с Низа в город, продолжавший испытывать острую нехватку продовольствия, не поступало. Несмотря на свою неудачу, Михаил продолжал вести по очкам. Понимая это, новгородские «мужи» были вынуждены сделать первыми шаг к примирению. Под 6825 годом Новгородская первая летопись старшего извода сообщала, что «послал новгородцм владыку Давыда къ князю Михаилу с молбою, просяще на окупъ брати своеи, кто у князя в талехъ»⁸⁹. Далее новгородский книжник сообщал, что миссия владыки не увенчалась успехом, «не послуша его князь», однако составитель Тверской летописи, напротив, утверждал, что переговоры увенчались успехом, и «кончаша съ великимъ княземъ Михаилом Ярославичемъ пятью тысячь рублев»⁹⁰.

На первый взгляд, две этих версии как будто противоречат друг другу, однако это противоречие лишь кажущееся – как и в случае с тремя разными историями похода Михаила на Новгород, книжники-составители летописей говорили правду, но не всю правду, а ту ее часть, которая была им нужна. Как отмечал В. А. Кучкин, подробно разобравший вопрос о договоре 1317 года, новгородский летописец ожидавший, что тверской князь отпустит «талей» под слово владыки, был разочарован, узнав о том, что деньги вперед, а заложники потом. Тверской же книжник зафиксировал сам факт соглашения, но не более того⁹¹.

Договор 1317 года, опубликованный в известном сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» под № 11, был датирован там временем после 10 февраля 1316 года, однако еще Л.В. Черепнин логично предположил, что это соглашение относится к концу 1316 – началу 1317 годов.⁹² В.А. Кучкин привел дополнительные аргументы в пользу именно такой датировки этого соглашения⁹³. Принимая их датировку, от себя мы добавим, что в пользу именно такого определения времени составления этого договора говорит сам его компромиссный и относительно мягкий по отношению к новгородцам характер. Текст соглашения, его лексика сами собой свидетельствуют в пользу того, что он был заключен не на торжокском пожарище по праву меча торжествующим Михаилом, а позднее, после неудачного похода великого князя на Новгород летом-осенью 1316 года. Тверской князь хотя и потерпел неудачу, однако все же владел инициативой, имея в своем распоряжении отличные козыри для дипломатического торга. Однако и новгородцы оправались от шока, вызванного

⁸⁹ Новгородская первая летопись старшего извода. С. 95.

⁹⁰ Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 409.

⁹¹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 48.

⁹² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 287.

⁹³ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 48–49.

торжокской катастрофой, и, судя по всему, владыка Давыд умело сыграл на противоречиях между Михаилом и Юрием. Кстати, сумма, которую Новгород согласился выплатить ради мира, отпуска пленных и открытия дорог для доставки «обилья» (за вычетом денег, взятых с заложников), подозрительно близка к долгу новгородцев по ордынскому «выходу» за пять лет (с 1312 года). Можно предположить, что Михаил, зная о том, что Юрий все еще в Орде, и понимая, что хан им недоволен из-за того, что уже который год новгородское серебро не поступает в «царскую» казну (а 1500 гривен серебра, или 300 кг драгоценного металла, раз в год – немалый куш) из-за того, что тверской князь не может договориться с непокорными новгородцами (а у Юрия с ними отношения как раз были неплохие), пошел на уступки ради того, чтобы владыка гарантировал в обмен поставить недостающее серебро. Это серебро Михаил, судя по всему, намеревался использовать как козырный туз в игре с Юрием и ханом⁹⁴.

Достигнутый на переговорах между владыкой Давыдом и великим князем зимой 1317 года компромисс носил, естественно, временный характер, что не могло не отразиться на самом соглашении. Как видно из его текста, он не носит столь всеобъемлющего характера, как предыдущие договоры между Новгородом и Михаилом. Видимо, обе стороны, заключая его, исходили из того, что окончательно проблема будет разрешена лишь после того, как определится победитель в противостоянии Михаила и Юрия, причем новгородцы, делая ставку на Юрия, отнюдь не отказывались от продолжения борьбы. Урегулировав на время свои отношения с Михаилом, они отправились в поход в Финляндию – очевидно, в расчете поправить свои расстроенные финансы (что им и удалось). По осени же, когда конфликт между Михаилом и Юрием перешел в горячую фазу, новгородцы снова выступили в поход против Твери, рассчитывая совместными усилиями вместе с Юрием принудить тверского князя к подписанию нового соглашения «по всей воле новгородской». Правда, все получилось не совсем так, как они рассчитывали – Михаил еще раз подтвердил свою репутацию талантливого полководца. Разбив сперва новгородскую рать (и заключив с новгородцами еще один предварительный договор), он затем нанес поражение Юрию в знаменитой Бортеневской битве 22 декабря 1317 года. Юрий, бежавший в Новгород, собрал там новое войско из псковичей и новгородцев, вернулся под Тверь (обращает на себя внимание тот факт, что новгородцы, несмотря на поражение Юрия, не оставили его и снова выступили на его стороне). В феврале 1318 года между Юрием, Михаилом и новгородцами был подписан новый, на этот раз полноценный договор, который подвел итоги длившегося больше десяти лет конфликта между Новгородом и Михаилом Ярославичем, великим князем владимирским и тверским.

Информация о статье

Автор: Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия; ORCID: 0000-0002-4092-8992; e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

⁹⁴ См.: Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VI. СПб., 1999. С. 74.

Заголовок: Великий князь в поход собрался: «голодный» поход Михаила Ярославича Тверского на Новгород в 1316 году и новгородско-тверское противостояние начала XIV века

Аннотация. Начало XIV века в истории Северо-Восточной Руси стало переломным временем и началом новой эпохи в межгосударственных и межкняжеских отношениях. С уходом со сцены сыновей Александра Невского на первый план выдвигаются новые действующие лица – такие, как тверской князь Михаил Ярославич и амбициозный московский князь Юрий Данилович. Меняются политические расклады и в Орде – длительная смута конца XIII века завершается победой хана Тохты над темником Ногаем и эта победа оказала серьезное влияние на межкняжеские отношения на Руси. Юрий Московский попытался перехватить ярлык на великое княжение у Михаила Тверского, и эта его попытка положила начало долгому соперничеству московского и тверского княжеских домов за доминирование в Северо-Восточной Руси. Исход этой борьбы во много зависел от того, чью сторону примет «банк» Северной Руси – Новгород. Новгородская элита увидела в противостоянии московских и тверских князей шанс переключить в свою пользу складывавшуюся до этого систему отношений с великими владимирскими князьями. В статье рассматривается один из эпизодов этой политической интриги – «голодный» поход князя Михаила Ярославича на Новгород летом-осенью 1316 года. История этого похода помещается в широкий исторический контекст, что позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные и изученные страницы отношений между Москвой, Тверью, Новгородом и Ордой в первые десятилетия XIV века.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Орда, Новгород, Тверь, Москва, Михаил Тверской, Юрий Московский

Библиографический список

- Акиндин.* Написание Акиндина, мниха лавры Святыя Богородица, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради // Русская историческая библиотека. (Памятники XI-XV в.). Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1880. Т. 6: Памятники древне-русского канонического права. Часть 1. Стб. 150–158.
- Бараш, С. И.* История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Ленинград: Гидрометеиздат, 1989. 237 с.
- Борзаковский, В. С.* История Тверского княжества / Сочинения В. С. Борзаковского. Санкт-Петербург: Изд-во книгопродавца И.Г. Мартынов, 1876. 4, IV, 270, 152 с., 3 л. табл. (430 с.)
- Борисов, Н. С.* Иван Калита. Москва: Молодая гвардия, 1997. 302 с.
- Борисов, Н. С.* Михаил Тверской. Москва: Молодая гвардия, 2017. 284 с.
- Будовниц, И. У.* Отражение политической борьбы в тверском и московском летописании XIV века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. С. 79–104.
- Васильев, М. В.* Маршруты походов великих князей на Новгород 12–15 веков (к вопросу о путях сообщения между Великим Новгородом и Низовскими Землями в эпоху Средневековья) // Новгород и новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции, 23–25 января 2001 г. Вып. 15. Великий Новгород, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2001. С. 271–282.
- Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2006. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. 432 с.
- Горский, А. А.* Москва и Орда. Москва: Наука, 2005. 214 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва; Ленинград: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 408 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 585 с.
- Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Репр. изд. Т. 23: Ермолинская летопись. Москва: Языки русской культуры, 2004. 456 с.
- Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV– середина XV века. / под редакцией Д. С. Лихачева [и др.]. Санкт-Петербург: Наука, 1999. С. 68–91.
- Золотая Орда в источниках / Центр по изучению военной и общей истории; составление, вводная статья и комментарии Р. П. Храпачевского. Москва: Наука, 2003. (Серия исторических источников Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи)). Т. 1: Арабские и персидские сочинения: сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / в переводах В. Г. Тихенгаузена. 448 с.
- Клюг, Э.* Тверское княжество (1247-1485 гг.) = Das Fürstentum Tver. 1247-1485 / Э. Клюг; перевод с немецкого А. В. Чернышова; общая редакция П. Д. Малыгина, П. Г. Гайдукова. Тверь: РИФ ЛТД, 1994. 432 с. (Б-ка Тверского края).

- Кирпичников, А. Н.* Военное дело на Руси в XIII – XV вв. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 104 с.
- Колчин, Б. А.* Дендрохронология Восточной Европы: (абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г.) / Б. А. Колчин, Н. Б. Черных; АН СССР, Институт археологии. Москва: Наука, 1977. 128 с.
- Кучкин, В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры / В. А. Кучкин; РАН. Институт российской истории. Москва: Древлехранилище, 2003. 367 с.
- Кучкин, В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. Москва: Наука, 1984. 348 с.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. 244 с.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. 254 с.
- Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец; Тверской сборник. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 1–505.
- Макарий (Булгаков).* История русской церкви / Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Москва: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995. Кн. III. 703 с.
- Монин, А. С.* История климата / А. С. Монин, Ю. А. Шишков. Ленинград: Гидрометеиздат, 1979. 407 с.
- Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2004. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 463 с.
- Насонов, А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 год / под редакцией М. Н. Тихомирова. Москва, 1958. С. 28–40.
- Неволин, К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты / Сочинения К.А. Неволина. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. XII, 236, 415 с., 1 л. карт. (Записки Русского географического общества / издание под редакцией К. А. Неволина, действ. чл. Рус. геогр. о-ва; Кн. 8).
- Новгородская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. XI, 692 с., 5 л. ил. (720 с.).
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею / редактор Павел Савваитов. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2 половина. Санкт-Петербург: Тип. Безобразова, 1862. 473 с., 890 стб.
- Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях / составление и издание Иваном Пушкаревым. Санкт-Петербург: Тип. К. Жернакова, 1844. Т. 1. Тетрадь 1: Новгородская губерния: с картой этой губернии, гербами и планом городов, рис. и пр. [6], IV, [2], 147, [2] с., 7 л. карт., ил., табл. (С посвящением Его Императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу великому князю Александру Николаевичу).
- Пенской, В. В.* Логистика в войнах Русского государства 2-й половины XV–XVI вв. // Новое прошлое / The New Past. Ростов-на-Дону, 2016. № 3. С. 68–84.
- Псковская 1-я летопись. Тихановский список // Полное собрание русских летописей. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2003. Т. 5, вып. 1: Псковские летописи. С. 1-73.
- Рогожский летописец* // Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец; Тверской сборник. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 1-186.
- Рыбаков, Б. А.* Военное искусство // Очерки русской культуры XIII – XV веков: в 2 ч. / главный редактор А. В. Арциховский. Москва: Изд-во МГУ, 1969. Ч. 1: Материальная культура. С. 348–388.
- Рюссов, Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига: Тип.-я А.И. Липинского, 1879. Т. 2. С. 159–456.
- Селиверстов, Д. А.* Военное дело Московского великого княжества. Очерки истории (конец XIV – середина XV века). Москва: Квадрига, 2020. 360 с.
- Серебрянский, Н. И.* Древнерусские княжеские жития: (обзор редакций и тексты) / Общество истории и древностей российских при Московском университете. Т. 2: Тексты. Москва, 1915. 186 с.
- Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. Репр. изд. Москва: Знак, 2007. 328 с.
- Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. / С. М. Соловьев; вступительная статья И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. Москва: Мысль, 1988. Кн. 2, т. 3-4. С. 7–345.
- Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Репр. изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. VIII, 581 с.

- Тарабрин, С. Ю. Митрополит Пётр и Переяславский Собор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 291–295. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-291-295
- Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен / Неусыпными трудами чрез тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 4. Санкт-Петербург: Тип.-я Вейтбрехта, 1784. 595 с.
- Ульфельдт, Я. Путешествие в Россию / перевод Л. Н. Годовиковой; Институт славяноведения РАН [и др.]. Москва: Языки славянской культуры. 2002. 615 с. (Studia historica)
- Фролов, А. А. Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородской землей и Северо-Восточной Русью) / А. А. Фролов // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции, 11–13 ноября 1998 г. / составитель В. Ф. Андреев. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 1998. С. 80–82.
- Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. Ч. 1. 472 с.
- Янин, В. Л. Новгородские посадники. Москва: Академический проект, 2017. 511 с.
- Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

Information about the article

Author: Penskoj Vitaly Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, the Institute of Law at Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-4092-8992, e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Title: The Grand Duke was going on a campaign: the “hungry” campaign of Mikhail of Tver against Novgorod in 1316 and the Novgorod-Tver confrontation of the beginning of the 14th century

Abstract. The beginning of the 14th century in the history of North-Eastern Rus' was a turning point and the beginning of a new era in interstate and interprincely relations. With the departure from the scene of the sons of Alexander Nevsky, new characters came to the fore, namely, such as the Tver prince Mikhail Yaroslavich and the ambitious Moscow prince Yuri Daniilovich. The political alignments in the Horde were also changing — a long turmoil at the end of the 13th century ended with the victory of Tokhta Khan over commander (temnik) Nogai, and this victory had a serious impact on interprincely relations in Rus'. Yuri Moskovsky tried to seize the label for a great reign from Mikhail of Tver, and this attempt of his marked the beginning of a long rivalry between the Moscow and Tver princely powers for dominance in North-Eastern Rus'. The outcome of this struggle largely depended on whose side “the bank” of Northern Rus', Novgorod, would be. The Novgorod elite saw in the confrontation between the princes of Moscow and Tver a chance to reshape in their favor the system of relations that had developed before that with the great princes of Vladimir. The article deals with one of the episodes of this political intrigue — the “hungry” campaign of Prince Mikhail Yaroslavich on Novgorod in the summer-autumn of 1316. The history of this campaign is placed in a wide historical context, which allows us to take a fresh look at the seemingly well-known and studied pages of relations between Moscow, Tver, Novgorod and the Horde in the first decades of the 14th century.

Keywords: North-Eastern Rus', Horde, Novgorod, Tver, Moscow, Mikhail of Tver, Yuri Moskovsky

References

- Akindin. Napisanie Akindina, mniha lavry Svyatya Bogorodica, k velikomu knyazyu Mihailu o postavlyayushchih m"zdy radi P [Writing of Akindin, monk of the Lavra of the Holy Mother of God, to the Grand Duke Michael about those who supply bribes for the sake of]. In *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. VI. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Chast' 1-ya (Pamyatniki XI–XV v.)* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of ancient Russian canon law. Part 1 (Monuments of the 11th–15th centuries)]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1880. Clm. 150–158 (In Russian).
- Barash, S. I. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v.n.e.)* [History of crop failures and weather in Europe (to the 16th century AD)]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1989. 237 p. (In Russian).
- Borzakovskij, V. S. *Istoriya Tverskogo knyazhestva* [History of the Tver principality]. Saint-Petersburg: Publishing house of the book seller I.G. Martynov, 1876. 430 p. (In Russian).
- Borisov, N. S. *Ivan Kalita* [Ivan Kalita]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1997. 302 p. (In Russian).
- Borisov, N. S. *Mihail Tverskoj* [Mikhail of Tver]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2017. 284 p. (In Russian).
- Budovnic, I. U. Otrazhenie politicheskoy bor'by v tverskom i moskovskom letopisanii XIV veka [Reflection of the political struggle in the Tver and Moscow chronicles of the XIV century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoj*

- literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*. Vol. 12. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. Pp. 79–104. (In Russian).
- Cherepnin, L. V. *Russkie feodal'nye arhivy XIV–XV vekov [Russian feudal archives of the 14th–15th centuries]*. Part 1. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1948. 472 p. (In Russian).
- Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv. [Testaments and contractual letters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries]*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 586 p. (In Russian).
- Ermolinskaya letopis' [Yermolinskaya chronicle]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. 23. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. 2004. 256 p. (In Russian).
- Frolov, A. A. Dubeckaya doroga (k istorii putej soobshcheniya mezhdru Novgorodskoj zemlej i Severo-Vostochnoj Rus'yu) [Dubetskaya road (to the history of communication routes between the Novgorod land and North-Eastern Russia)]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Materialy nauchnoj konferencii 11–13 noyabrya 1998 g. [Past of Novgorod and Novgorod land. Proceedings of the scientific conference November 11–13, 1998]*. Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 1998. Pp. 80–82. (In Russian).
- Gorskij, A. A. *Moskva i Orda [Moscow and the Horde]*. Moscow: Nauka Publ., 2005. 214 p. (In Russian).
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov]*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949. 407 p. (In Russian).
- Klyug, E. *Tverskoe knyazhestvo (1247–1485 gg.) [Tver Principality (1247–1485)]*. Tver: RIF LTD Publ., 1994. 432 p. (In Russian).
- Kirpichnikov, A. N. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. [Warfare in Rus' in the 13th–15th centuries]*. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 104 p. (In Russian).
- Kolchin, B. A., Chernyh, N. B. *Dendrokhronologiya Vostochnoj Evropy [Dendrochronology of Eastern Europe]*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 128 p. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. *Dogovornye gramoty moskovskih knyazej XIV veka: vneshnepoliticheskie dogovory [Treaty letters of the Moscow princes of the 14th century: foreign policy treaties]*. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2003. 367 p. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. *Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi v X–XIV vv. [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 348 p. (In Russian).
- Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. 10. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 244 p. (In Russian).
- Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. 11. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 254 p. (In Russian).
- Letopisnyj sbornik, imenuemyj Tverskoj letopis'yu [Chronicle collection, called the Tver chronicle]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. 15. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Pp. 1–505. (In Russian).
- Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. *Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church]*. Book 3. Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Publ., 1995. 703 p. (In Russian).
- Monin, A. S., Shishkov, Yu. A. *Istoriya klimata [Climate history]*. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1979. 407 p. (In Russian).
- Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Moscow annals of the late 15th century]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. 25. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 463 p. (In Russian).
- Nasonov, A. N. O tverskom letopisnom materiale v rukopisyah XVII v. [On the Tver annalistic material in the manuscripts of the 17th century]. In *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1957 god [Archeographic Yearbook for 1957]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. Pp. 28–40. (In Russian).
- Nevolin, K. A. O pyatinah i pogostah novgorodskih v XVI veke [On pyatins and graveyards of Novgorod in the 16th century]. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]*. Book 8. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1853. 415 p. (In Russian).
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego izvoda [Novgorod First Chronicle of the Senior Edition]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 720 p. (In Russian)
- Novgorodskie piscovyje knigi, izdannye Arheograficheskoyu Kommissieyu. T. II. Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoj pyatiny, okolo 1495 goda [Novgorod scribe books published by the Archeographic Commission. Vol. 2. The*

- census book of the Derevskaya Pyatina, circa 1495*]. Part 2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1862. 473 p., 890 clm. (In Russian).
- Opisanie Rossijskoj imperii v istoricheskom, geograficheskom i statisticheskom otnosheniyah* [Description of the Russian Empire in historical, geographical and statistical terms]. Vol. 1. Notebook 1: Novgorod province. St. Petersburg: K. Zhernakov Publ., 1844. 147 p. (In Russian).
- Penskoj, V. V. Logistika v vojnah Russkogo gosudarstva 2-j poloviny XV–XVI vv. [Logistics in the wars of the Russian state in the 2nd half of the 15th–16th centuries]. In *Novoe proshloe* [The New Past], 2016, no. 3. Pp. 68–84. (In Russian).
- Pskovskaya 1-ya letopis'. Tihanovskij spisok [Pskov 1st chronicle. Tikhonovsky list]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 5, issue 1. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. Pp. 1–73 (In Russian)
- Rogozhskij letopisec [Rogozhsky chronicler]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 15. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Pp. 1–186. (In Russian).
- Rybakov, B. A. Voennoe iskusstvo [Military art]. In *Ocherki russkoj kul'tury XIII–XV vekov* [Essays on Russian culture of the 13th–15th centuries]. Part 1. Moscow: Moscow State University Publ., 1969. Pp. 348–388. (In Russian).
- Ryussov, B. Livonskaya hronika [Livonian Chronicle]. In *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region.]. Vol. 2. Riga: A.I. Lipinskiy Publ., 1879. Pp. 159–456. (In Russian).
- Seliverstov, D. A. *Voennoe delo Moskovskogo velikogo knyazhestva. Ocherki istorii (konec XIV – seredina XV veka)* [Warfare of the Moscow Grand Duchy. Essays on history (late 14th – mid-15th century)]. Moscow: Kvadriga Publ., 2020. 360 p. (In Russian).
- Serebryanskij, N. I. *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (obzor redakcij i teksty)* [Old Russian princely lives (review of editions and texts)]. Vol. 2. Texts. Moscow, 1915. 186 p. (In Russian).
- Simeonovskaya letopis' [Simeon Chronicle]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 18. Moscow: Znack Publ., 2007. 328 p. (In Russian).
- Solov'ev, S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. In *Sochineniya v vosemnadcati knigah* [Essays in eighteen books]. Book 2, vol. 3–4. Moscow: Mysl' Publ., 1988. Pp. 7–345. (In Russian).
- Sofijskaya pervaya letopis' starshego izvoda [Sofia First Chronicle of the Senior Edition]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 6, issue. 1. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 581 p. (In Russian).
- Tarabrin, S. Yu. Mitropolit Pyotr i Pereyaslavskij Sobor [Metropolitan Peter and Pereyaslavsky Cathedral]. In *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 291–295. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-291-295. (In Russian).
- Tatishchev, V. N. *Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen* [History of Russia since the most ancient times]. Book 4. St. Petersburg: Vejtbrekht Publ., 1784. 595 p. (In Russian).
- Ul'fel'dt, Ya. *Puteshestvie v Rossiju* [Journey to Russia]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 615 p. (In Russian).
- Vasil'ev, M. V. Marshruty pohodov velikih knyazej na Novgorod 12-15 vekov (k voprosu o putyah soobshcheniya mezhdru Velikim Novgorodom i Nizovskimi Zemlyami v epohu Srednevekov'ya) [Routes of the campaigns of the Grand Dukes against Novgorod in the 12th-15th centuries (On the question of the ways of communication between Veliky Novgorod and the Nizovsky Lands in the Middle Ages)]. In *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Materialy nauchnoj konferencii* [Novgorod and the Novgorod land. History and archeology. Materials of the scientific conference]. Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, January 23–25, 2001. Issue 15, pp. 271–282. (In Russian).
- Vologodsko-Permskaya letopis' [Vologda-Perm chronicle]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 26. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2006. 432 p. (In Russian).
- Yanin, V. L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniks]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2017. 511 p. (History of Russia: Ancient Rus'). (In Russian).
- Yanin, V. L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2008. 400 p. (In Russian).
- Zhitie Mihaila Yaroslavicha Tverskogo* [Life of Mikhail Yaroslavich of Tver]. In *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. Pp. 68–91. (In Russian).
- Zolotaya Orda v istochnikah [Golden Horde in the sources]. Vol. 1. *Arabskie i persidskie istochniki* [Arabic and Persian sources]. Transl. by V. G. Tikhengauzen. Moscow: Nauka Publ., 2003. 448 p. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Пенской В. В. Великий князь в поход собрался: «голодный» поход Михаила Ярославича Тверского на Новгород в 1316 году и новгородско-тверское противостояние начала XIV века. *Сaurus*. 2023. Т. 2. № 1. С. 50–77. DOI: 10.34680/Caurus-2023-2(1)-50–77

For citation:

Penskoy V. V. The Grand Duke was going on a campaign: the “hungry” campaign of Mikhail of Tver against Novgorod in 1316 and the Novgorod-Tver confrontation of the beginning of the 14th century. *Caurus*. 2023. Vol. 2(1). P. 50–77. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2023-1(2)-50–77